

Глава 8

Улин торжественно ответил: «Так точно».

Шэнь Чии удержал его за руку, когда тот уже собрался поспешно уходить: «Кстати, купи двух хороших лошадей».

Кто знает, не придётся ли им вскоре мчаться день и ночь обратно в княжеский дворец.

Улин кивнул, коснулся носками земли и, не мешкая ни мгновения, лёгким шагом пересёк водную гладь и, выйдя на берег, удалился.

Шэнь Чии был полон тревоги.

Раз уж дело настолько срочное и важное, вряд ли оно закончится одной лишь передачей вести.

Что бы ни сообщили, ему, скорее всего, придётся немедленно возвращаться во дворец.

Он проводил взглядом удаляющуюся фигуру Улина и только тогда направился к беседке на прогулочной ладье.

Сквозь белую вуаль он разглядел, что под беседкой стоят трое.

Му Чэньсюэ находился в центре.

В последние дни этот человек уже мог различать смутные очертания и больше не нуждался в частом наложении лекарства, лишь по утрам наносил порошок на глаза. Сейчас же он стоял, грациозно повернувшись, с чёрной лентой, скрывавшей пропитанную лекарством повязку на глазах.

Прямо перед ним была поверхность озера — неосторожный легко мог упасть в воду, но этот человек безмятежно стоял у перил с безмятежным выражением лица.

Утренний ветер первой луны пронизывал до костей. Мужчина был облачён в плащ из чёрного золота, вероятно принесённый его подчинёнными; воротник с мехом колыбался на ветру, то и дело касаясь его подбородка.

Словно холодная слива, распускающаяся в мороз, или уединённая орхидея, которой можно любоваться в одиночестве.

Это был тот самый образ благородного мужа, который Шэнь Чии знал как свои пять пальцев.

Совсем не такой, как прошлой ночью...

Но прошлой ночью он был отравлен и до самого конца пребывал в каком-то полубреду; воспоминания были хаотичными и смутными, и он никак не мог быть уверен.

Как мог яд в крови Му Чэньсюэ быть настолько странным? Сколько лет он уже здесь, но никогда не слышал о подобной конституции?

И ещё способ избавления от яда...

Он остановился у входа в беседку.

Один из двух мужчин, стоявших рядом с Му Чэньсюэ, — учёного вида, в головном уборе, подвязанном пучком, и алых одеждах, — воскликнул с изумлением: «Как рука могла быть так ранена? Это дело рук того убийцы? Кроме него, кто-нибудь ещё приближался к вам?»

«Кое-кто» уже пришёл.

Те двое, заметив Шэнь Чии, уставились на него.

Мужчина, похоже, тоже знал о его прибытии; он слегка повернул голову и, не отвечая на вопрос человека в алых одеждах, спокойно произнёс: «Вы только что нашли меня, а ночью уже явился убийца».

Другой мужчина, в чёрной облегающей одежде, выглядевший старше всех, резко побледнел от этих слов и, упав на колени, выпалил: «Кто-то из своих передал весть... Я немедленно отправлюсь на расследование!»

Му Чэньсюэ слегка кивнул.

Мужчина в чёрном поднялся, сложил руки в поклоне и, обойдя стоявшего у беседки Шэнь Чии, просто удалился.

Когда они расходились, Шэнь Чии, пользуясь тем, что его скрывает белая вуаль, бесцеремонно разглядывал лицо и выражение того человека.

Жестокость в его облике превосходила даже вчерашнего убийцу.

...Этот человек, скорее всего, убивал.

Шэнь Чии вздрогнул.

Враги, способные содержать наёмных убийц высокого уровня, и подчинённые, на чьих руках, судя по всему, не одна смерть.

Особая конституция, скрытый в крови странный яд — очевидно, с детства в его теле таилась какая-то тайна.

Брат Му, этот купеческий клан... он что, не совсем законный?!

Шэнь Чии замер.

Если эти люди обсуждают то, что посторонним слышать не следует, то он пришёл явно не вовремя.

Он хотел было развернуться и уйти, но мужчина в алых одеждах, стоявший рядом с Му Чэньсюэ, уже повернулся к нему и, поклонившись, произнёс: «Вы, должно быть, и есть господин Су Я, который по доброте своей заботился о нашем господине все эти дни?»

Эти слова были для него слишком лестны.

На самом деле Му Чэньсюэ совершенно не нуждался в его помощи или спасении; это он, прельстившись красотой, настоял на том, чтобы пригласить того на ладью.

Шэнь Чии сказал правду: «О заботе и речи нет...»

Мужчина у перил, услышав его голос, повернулся к нему.

Он позвал: «Господин Су».

Чёрная лента скрывала его спокойные и изящные глаза, свет за спиной вырисовывал контур его профиля, отбрасывая тени и пряча выражение лица.

Этот вид мгновенно вызвал у Шэнь Чии воспоминания о прошлой ночи, когда лунный свет просачивался сквозь полуоткрытую щель в окне, а в тусклой тьме можно было разглядеть лишь смутный силуэт этого человека.

Тогда перед его глазами, как звёздное небо, отражённое в зелёном озере, всё было смутно и неясно, а в ушах звучал тот полный учтивости, но скрывающий бурю тихий зов: «Господин Су».

Холодный ветерок шевелил свисавшую с шляпы белую вуаль, золотые колокольчики звенели не умолкая.

Шэнь Чии вздрогнул, выныривая из воспоминаний, возвращаясь мыслями к действительности, и внезапно почувствовал, как краска заливает его лицо.

Раньше он каждый день крутился вокруг Му Чэньсюэ и не находил в этом ничего особенного; он лишь знал, что те наследники аристократических родов из Цанчжоу обычно вот так подшучивают над красавицами, считая себя искушёнными в ветре и цветах, сведущими в любовных делах и, несомненно, искусными в супружеских утехах.

Не думал он, что всё дойдёт до такого.

Красавица оказалась не только ядовитой, но и искусной в боевых искусствах; глубина его происхождения была неизвестна, а за мягкой маской скрывалась непроглядная тьма, которую он не мог понять; вовсе не такой он был, как думалось — вызывающий жалость, нежный и беззащитный.

Зная, что оба присутствующих не видят его выражения лица, он всё равно опустил голову, чтобы успокоиться, и лишь тогда, собравшись с духом, шагнул в беседку.

Мужчина в алых одеждах, стоявший рядом с Му Чэньсюэ, снова заговорил: «Господин Су, вы слишком скромны. Мы потеряли господина из виду, у него к тому же давний недуг и повреждены глаза; не окажись рядом помощника, неизвестно, что бы с ним случилось».

Этот человек снова отвесил Шэнь Чии торжественный благодарственный поклон: «Я только что проверял пульс господина. Помимо вчерашних внешних ран, которые нужно лечить, его тело уже в отличном состоянии, даже лучше, чем когда он был дома, и зрение восстанавливается неплохо; думаю, скоро он сможет видеть отчётливо — всё это благодаря заботе господина Су».

Оказывается, этот человек был лекарем.

Лекарь, улыбнувшись, снова спросил его: «...Позвольте узнать, господин Су, из какой ветви клана Су из Линъаня вы приходите? Кто ваши старшие в роду? Мы приготовим скромные дары и отправим их, чтобы отблагодарить вас за вашу доброту».

Клан Су был родом матери Шэнь Чии — княгини Цан, знатным домом, обосновавшимся в Линъане, пользующимся благосклонностью императора; среди них было немало чиновников, а число потомков как по прямой линии, так и по боковым, было неисчислимо.

Княгиня Цан происходила из невысокой ветви клана Су, и отношения между ней, её сыном и кланом Су были не слишком тёплыми.

Он взял псевдоним Су Я, просто соединив фамилию матери со своим вторым именем; к тому же он был немного знаком с кланом Су, а поскольку членов клана Су действительно было

бесчисленное множество, то, путешествуя, он легко мог отделаться от любых вопросов, если ему приходилось что-то выдумывать.

Личность была вымышленной, и, конечно, нельзя было позволить, чтобы кто-то на самом деле отправил благодарственные дары в клан Су.

Он уклончиво ответил: «Это я вчера настоял на том, чтобы выпендриться, и тем самым навёл врагов брата Му на его след. Если уж говорить по существу, то это я навлёк на брата Му беду».

Лекарь, то ли поняв, что тот уклоняется от ответа, то ли нет, улыбнулся, но его улыбка стала чуть менее тёплой.

Му Чэньсюэ стоял рядом, молча слушая расспросы лекаря, и лишь в конце сказал: «После вторжения прошлого убийцы господин Су Я чувствует себя неважно. Осмотри его».

Шэнь Чии с детства притворялся больным и, за исключением сведущего в лекарствах и ядах Улина, редко позволял кому-либо другому щупать свой пульс.

Он отстранился от протянутой лекарем руки и, отмахиваясь, отказался: «Не надо, не надо! Я прекрасно себя чувствую!»

Лекарь опешил и посмотрел на Му Чэньсюэ.

Мгновение.

Му Чэньсюэ не проронил ни слова.

Не дождавшись распоряжения и видя, что у обоих, похоже, есть что сказать друг другу без свидетелей, лекарь убрал руку и произнёс: «Раз так, позвольте откланяться».

Алая фигура удалилась.

Оба человека, бывшие рядом с Му Чэньсюэ, ушли один за другим; в передней беседке прогулочной ладьи, кроме Му Чэньсюэ, остался только Шэнь Чии.

Они стояли друг напротив друга, оба одетые с иголки: один с завязанными чёрным шёлком глазами, другой всё ещё в шляпе с вуалью; они были рядом, но словно в тумане.

Но в тишине даже лёгкий ветерок научился дразнить; каждое дуновение, обнимая их, словно напоминало о том, что произошло в прошлый раз, когда они были наедине.

«...»

От того, чему суждено случиться, не уйти.

Шэнь Чии, поразмыслив, всё же сказал: «Брат Му, я... хочу тебя кое о чём спросить».

«Ммм».

Шэнь Чии снова не знал, с чего начать.

Прошлой ночью у него не было времени много думать; он лишь наспех подарил ароматный мешочек, а проснувшись утром, так и не решил, стоит ли открывать свою личность.

Но пока он шёл эти несколько шагов до беседки, постепенно успокаиваясь, его охватила тревога.

Будь то вчерашний враг или те двое, которых он только что видел, все они, казалось, были не из простых.

Он также чувствовал, что в темноте появилось ещё несколько источников энергии — должно быть, слуги Му Чэньсюэ; тот, кто ушёл первым, увёл нескольких, но ещё несколько остались охранять в тени. Судя по звукам, все они были отличными бойцами с прекрасной подготовкой.

Не говоря уже об обычных купцах, даже некоторые могущественные кланы, властвующие над целыми областями, не могли позволить себе постоянно держать при себе столько мастеров.

Если бы Му Чэньсюэ был просто купцом, которого ограбили разбойники и преследуют враги, он бы не боялся, но если тот оказался каким-нибудь убийцей, грабителем, преступником, поджигателем и насильником...

Он просто прельстился красотой и хотел завести роман: сойдутся — хорошо, не сойдутся — и ладно.

Не собирался же он вдруг пускаться в бега с преступником и творить всякие злодеяния!

К тому же они уже... уже... а Му Чэньсюэ слишком спокоен!?

Неужели он пожалел о содеянном?

Он оглядел собеседника.

Мужчина как раз снимал повязку с глаз.

Чёрная лента упала, обнажив всё ещё немного рассеянные глаза; полное лицо отразилось в глазах Шэнь Чии сквозь белую вуаль.

Выглядел он вполне сговорчивым.

Шэнь Чии, поколебавшись, произнёс: «Я... я питаю к брату Му чувства».

<http://bllate.org/book/15473/2059482>